

Олег Усенко,
кандидат исторических наук

ЦАРСКИЙ БРАТЕЦ ИЗ ЛЕФОРТОВА ПОЛКА Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I *

№ 31. «Брат царя Алексея Михайловича» [начало 1706 ? – после 6 июля 1708] – Григорий Михайлов сын

Самозванец был российским подданным, русским и православным. Родился он около 1670 года в Москве. Его отцом был Михаил Поликарпов сын по прозвищу Коломнятин и Безручка – некогда солдат, а ныне «записной верховой нищий» («верховой богомолец»), то есть, видимо, нищий, допущенный просить подавание у царского дворца, называвшегося тогда Верхом. До лета 1703 года Михаил жил «своим двором» в Троицкой слободе «за Сретенскими вороты за Земляным городом». Там, скорее всего, и родился будущий лжемонарх. Его матерью была Аграфена Сидорова дочь, которая умерла, когда Григорий был ещё мальчиком. Примерно в 1677/1678 году у него появилась мачеха – Анистья Якимова дочь.

В отцовском доме Григорий прожил около 23 лет. Примерно в 1687/1688 году «Безручка ево женил – взял за него у свешника Мины Фёдорова сиротку девку Анну Сергееву дочь. А жил тот свешник на Никицкой против двора околичного Алексея Ивановича Ржевского».

Женившись, Григорий прожил у отца ещё «года с четыре, поил и кормил ево и з женою тот Безручка». Но всё поменялось, видимо, летом 1693 года, когда стало известно, что князь Фёдор Урусов¹ записывает желающих в Первый выборный солдатский полк (по фамилии командира он также назывался Шепелевым², а с лета 1692 года Лефортовым, когда его возглавил фаворит Петра I Франц Яковлевич Лефорт). Григорий записался в этот полк солдатом, после чего вместе с женой переехал на съёмную квартиру. «И от того Безручки з двора сошед, жил в Панкратевской слободе у посацкого человека Федота Полуехтова с месяц. А после того стоял по постоялым дворам – на Козье болоте у Патриарша пруда Гостиного двора у сторожа Гарасима Коноплина год да за Язуою в Алексеевской слободе у посацкого человека Тараса Обакумова год ж».

Официально служба Михайлова началась 1 сентября 1693 года. Через год он, по всей видимости, принял участие в известных Кожуховских манёврах, которые происходили с 23 сентября по 18 октября 1694 года в трёх верстах от Москвы, недалеко от Симонова монастыря у деревни Кожуховой. Главную силу регулярных войск, руководил которыми князь Фёдор Ромодановский, составляли Преображенский, Семёновский, Лефортов и Бутырский полки. В армии противника, командовал которой «польский король» (Иван Бутурлин), преобладали стрельцы. Полки «нового строя» должны были взять специально построенный городок. Бутурлин оставил в нём гарнизон, а сам стал лагерем позади него. В числе осаждавших был и сам 22-летний царь – «бомбардир Пётр Алексеев». 29 сентября в сражении у стен городка стрельцы были разбиты. После этого осаждавшие построили два редута, несмотря на частые вылазки из крепости. При отражении одной из них царь лично взял в плен стрелецкого полковника. 4 октября состоялся первый приступ. Под руководством «бомбардира Петра Алексеева» две телеги были наполнены хворостом и зажигательными составами и пущены через ров, но они, дойдя до вала, сгорели, не причинив укреплениям никакого вреда. Тем не менее начался штурм. На валу сражение длилось два часа. Несмотря на упорное сопротивление, регулярные части городок взяли. Но царь желал «правильной»

осады (с эффективным применением инженерных средств), поэтому городок был оставлен, а пленные отпущены. 9 октября началась новая осада. 15 октября с помощью мины был подорван вал, после чего крепость была взята штурмом при отчаянном противодействии осаждённых. Следующие три дня войска

---

* Продолжение. Начало см.: Родина. 2006. № 6–10, 12; 2007. № 1–2.

[с. 52]

«нового строя» пытались взять укрепленный лагерь «польского короля». Противник упорно отбивался, но всё же был вынужден сдаться. Потеха не была невинной – имелись раненые и даже убитые.

После этого лефортовцам выдали из Военного приказа по 8 рублей «на дворовое строенье». Таким образом их командир желал улучшить подготовку своих солдат, расквартированных по всей Москве, и повысить их дисциплинированность. Он также выпросил у царя место для компактного размещения полка и для обустройства большого плаца, где можно было бы проводить учения. Это место было найдено на левом берегу Яузы, как раз напротив сада и дома Лефортова, и уже к весне 1695 года там было новое поселение – Лефортова слобода. Григорий, «построяс, жил в той же слободе у самой церкви на углу. А в соседях у него жили салдаты ж Семён Иванов сын Буйлой... а через двор жил салдат Кирило Иванов сын Голован... а против ево жил салдат Василей Крот... А в то ж время у прихоцкой их церкви были попы Гаврила да Иван да Дмитрей и с пономарём, и поп Гаврило был ему... отец духовной».

«И того ж году, – вспоминал впоследствии самозванец, – посланы были они всем полком в первой Азовской поход под Азов с полковником съ Юрьем Лимом³. И в другом и в третьем Азовских походах он был же... И после Азовского взятия пришол он... к Москве...» Если попытаться реконструировать события, скрытые за этими фразами, то получится вот что.

Первый Азовский поход начался для Михайлова 27 апреля 1695 года. Лефортовцы вместе с государем – «бомбардиром Петром Алексеевым», а также другими «пехотными людьми» под командованием Фёдора Головина и Лефортова прошествовали из села Преображенского в столицу. На Москве-реке войско расселось по стругам и на следующий день поплыло вниз по течению.

Москвою-рекой, Окой и Волгой ратники доплыли до Камышина, там выгрузились на берег и пешком ходом добрались до казачьего Паншина городка, располагавшегося вблизи места, где излучина Дона ближе всего подходит к Волге. Погрузившись вновь на речные суда, войско Доном через Черкасск проследовало к Азову. 29 июня оно прибыло на реку Койсу (вёрст за 10 от Азова). К самой крепости отряды Головина и Лефортова подошли 5 июля.

Лефортов полк принимал активное участие в штурмах Азова, поэтому резонно предположить, что и Григорий не оставался в стороне. Однако первая осада Азова закончилась неудачей: русские взяли только две каланчи (башни) вне города. Царь, убедившись, что без полной блокады (а значит флота) овладеть Азовом невозможно, 2 октября от крепости отступил.

14 октября Лефортов со своим отрядом из Черкаска отправился степью на север – видимо, к Валуйкам, а потом к Воронежу. Там свежее испечённый адмирал приступил к руководству строительством русского флота, а его полк был преобразован в Первый морской батальон. Там же, скорее всего, лефортовцы и зимовали, хотя, возможно, их расквартировали в нескольких городах, где строились корабли, – помимо Воронежа это были Козлов, Добрый и Сокольск.

Второй Азовский поход начался для самозванца, видимо, 3 мая 1696 года. Сводный отряд Лефортова на кораблях отправился из Воронежа вслед за передовыми полками. У турецкой крепости он оказался 18 июня. 19 июля азовский гарнизон, оставшийся без поддержки с моря, сдался. По всей видимости, Лефортов полк из покорённой крепости направился в Москву 15 августа вместе с царём. По Дону, Волге, Оке и Москве-реке царский караван прибыл в Коломенское, и 30 сентября победоносные полки торжественно вошли в столицу.

О том, как провёл Михайлов следующие восемь лет, прямых известий почти нет. Сам он сообщил только вот что: «И после Азовского взятия пришёл он... к Москве и жил на Москве по первой Ругодевской поход (Ругодивом называли Нарву. – *О. У.*). И в обоих Ругодевских походах был же». Тем не менее попытаемся осветить его жизнь в этот период.

Когда Григорий говорил, что был в «третьем Азовском походе», то, очевидно, имел в виду царскую потеху зимы 1697 года, когда московские служилые люди ещё раз взяли турецкую крепость. Очевидец сообщал: «Генваря в 22 день сказана служба всем без выбору под Азов... И февраля в 13 день, в субботу на Сырной неделе, у Красного села на пруде сделан был город Азов, башни и ворота, и коланчи были нарядные (с пушками. – *О. У.*), и потехи были изрядныя, и государь изволил тешиться».

Не исключено, что Михайлов, как и другие солдаты его полка, после возвращения с юга стал роптать на свою жизнь. Основания для этого дают материалы следствия по делу лефортовца Якова Григорьевца в том же 1697-м. Он вёл с однополчанами разговоры о том, что стоит, видимо, подать челобитную с жалобой на их тяжёлое положение (командиры дают им на день по 4 деньги вместо 6, совсем не дают хлебного жалованья) и с просьбой, дабы начальники выдали им сухари на пропитание. Интересно, что эту челобитную солдаты хотели подать царевне Софье. Однажды солдаты стояли на карауле в Кремле на Красном крыльце (у входа в царский дворец), и к ним вышла богато одетая женщина. В разговоре с ней лефортовцы пожаловались на свою жизнь, и она им посочувствовала: «Только де на вас, что красные кафтаны». Эту женщину Яков со товарищи и приняли за опальную царевну (на самом деле с караульными беседовала постельница боярыня Коптева).

Григорий, видимо, участвовал в подавлении Стрелецкого бунта 1698 года. 3–4 апреля Лефортов полк (как и Преображенский, Семёновский, Бутырский) был приведён в боевую готовность, ибо 175 стрельцов-дезертиров, прибывших в Москву для челобитья, оказали сопротивление, когда их насильно выдворяли из города. Возможно даже, что Григорий был среди тех солдат, которые непосредственно «высылали» бунтовщиков из московских стрелецких слобод.

12 июня 1698-го вновь была объявлена боевая готовность, и начался сбор служилых людей для выступления против четырёх мятежных стрелецких полков, идущих к Москве. Солдаты упомянутых выше полков образовали сборный отряд под командованием генерала Патрика Гордона. 13 июня отряд стал обозом на Ходынке. На следующий день к нему присоединилось дворянское ополчение. 16 июня из Тушино каратели двинулись навстречу мятежникам. Вечером 17 июня царское войско с востока и восставшие стрельцы с запада подошли к Воскресенскому монастырю. Правительственные полки с артиллерией заняли холмы около монастыря на левом берегу Истры. Стрельцы начали было переправляться через реку, чтобы выйти на московскую дорогу, но их остановили уговоры и угрозы Гордона. Генерал также приказал преображенцам и семёновцам перекрыть дорогу на Москву, а Лефортов и Бутырский полки расположил в «дефиле» – узком проходе меж холмов у монастырской слободы Рогожи.

18 июня произошло сражение. Оно началось пушечным залпом в сторону мятежников. Стрельцы открыли ответный огонь из пушек и ружей. Но артиллерия карателей вторым залпом внесла смятение в ряды восставших. Часть их двинулась в «дефиле», но навстречу вышли лефортовцы и бутырцы, и восставшие отступили. Следующие залпы с холмов заставили мятежников разбегаться или сдаваться в плен. Сражение длилось не более часа.

Скорее всего, Михайлов принял участие и в похоронах Лефортова, умершего 2 марта 1699 года. Погребальная церемония отличалась небывалой торжественностью. Траурную процессию открывал

[с. 53]

Преображенский полк, во главе первой роты шествовал сам царь, одетый во всё чёрное. Следом под похоронную музыку шагали Семёновский и Лефортов полки. За ними ехал чёрный рыцарь с обнажённым мечом, позади которого вели двух богато убранных коней и ещё одного под чёрной попоной. В центре процессии шли офицеры и несли на бархатных подушках золотые шпоры, шпагу, пистолеты, трость и шлем усопшего. 28 полковников, сменяя друг друга, несли гроб, а далее в траурных одеяниях следовали иностранные послы и самые именитые бояре. Замыкала шествие вдова покойного в сопровождении двух генералов и 24 знатных дам. Опускание гроба в могилу на Немецком кладбище сопровождал троекратный залп 40 орудий и беглый ружейный огонь.

Если верить Григорию, в конце июля 1699 года он обрёл новую ипостась. На следствии он показал: «А великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу... братом, а великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичу... дядею назывался он ... после другова жь Азовского походу и после того, как ему учинилас в ночи болезнь...» О болезни же он сообщил вот что: «И как пришёл из... походу к Москве, и после того спустя года з два летом об Ильине дни (20 июля. – О. У.) в ночи во сне приключилас ему падучая болезнь, и с того времени приходит ему тоска и бывает во изступлении ума». Но даже если всему виной психопатология, Михайлов о новой роли никому не возвестил, и окружающие ничего не заметили. Его свойственники потом вспоминали, что «до Азовских и после Азовских и в Ругодевские службы, приходя к Москве, тот Григорей был в целом уме».

19 августа 1700 года Россия объявила войну Швеции. 29 августа Михайлов со своим полком, которым командовал теперь генерал Адам Адамович Вейде, отправился в Лифляндию⁴. Его путь лежал через Тверь и Новгород к Нарве, под которою он прибыл 1 октября, через неделю после начала осады.

На помощь осаждённому пришла армия под начальством шведского короля Карла XII. 19 ноября его отряды под покровом вьюги приблизились к русским позициям и внезапным ударом прорвали их к северу и югу от центра (горы Германсберг). Среди русских возникла паника. Располагавшийся на левом фланге и входивший в дивизию Вейде Лефортов полк, непосредственно командовал которым Лима, оказался на линии южного прорыва. Тем не менее лефортовцы не дрогнули – подобно солдатам Преображенского и Семёновского полков, которые дрались на правом фланге, они отгородились повозками и давали отпор неприятелю до наступления темноты. Русское командование пошло на капитуляцию при условии отхода царских войск со знамёнами и оружием. Но 20 ноября только часть русских вышла из окружения подобным образом. Лефортовцы же попали в число тех, кого шведы обезоружили и дочиста ограбили.

Григорий, как и прочие солдаты дивизии Вейде, приобрёл в Новгород. Оттуда 12 декабря вместе с однополчанами он отправился во Псков. Там Лефортов полк перешёл в подчинение Борису Петровичу Шереметеву, а командиром полка стал Лима. Потом, вероятно, лефортовцы отбыли на время в Москву. После отдыха, который вряд ли был долгим, полк вернулся во Псков.

В 1701 году Шереметев занимался тем, что отправлял в Лифляндию воинские команды для уничтожения небольших отрядов противника. Не исключено, что в таких посылках был задействован и самозванец. 29 декабря полк Лимы участвовал в бою с отрядом генерала Шлиппенбаха (Шлифинбаха) у мызы⁵ Эрестфер (Эрествере), в 50 верстах от Дерпта (Юрьева, Тарту). Здесь была одержана первая победа над шведами. За неё Шереметев получил чин

генерал-фельдмаршала и орден Андрея Первозванного. Михайлов с однополчанами также был в составе отряда, который под командованием Шереметева в начале 1702 года разорил Дерптский уезд.

В середине июня 1702 года восемь пехотных полков (среди них Лефортов) отправились по маршруту Псков – Красная мыза – Гумолова мыза (Гуммельсгоф, Хуммули). У последнего пункта 18 июля Шереметев вторично разбил Шлиппенбаха. Лефортовцы одними из первых вступили в бой и сдерживали натиск шведов до подхода основного войска. При этом погиб Лима. После этого русские войска проследовали к Дерпту, по пути разоряя поселения, дабы лишить противника продовольствия и пристанища. Затем Шереметев, разгромив шведов у мызы Менза (Мынисте), пошёл на Мариенбург (Алыст, Алуksне) и 25 августа взял его после десяти дней осады. 9 сентября победоносные русские полки вернулись во Псков.

Но отдых Григория и его соратников был недолгим. 16 сентября Шереметев повёл своё войско (включая Лефортов полк) в Ладугу, а оттуда к Нотебургу (Орешку), куда подтягивались и другие царские войска. 15 октября крепость стала частью России, после чего получила новое название – Шлиссельбург. Шереметев же со своими людьми вернулся на зимовку под Псков.

К боевой службе Михайлов с однополчанами вновь приступил, видимо, в марте 1703 года. Шереметев повёл их к Шлиссельбургу, а оттуда (23 апреля) – на крепость Ниеншанц (Канцы), расположенную у впадения Охты в Неву. 25 апреля русское войско уже было под стенами крепости; 1 мая она сдалась и была переименована в Шлотбург. После этого Шереметев разделил свои полки: одни пошли на Копорье, другие же, включая лефортовцев, которых возглавил полковник Вилим Иванович фон Шведен (Швейден), к Яму (Ямбургу). Он был взят 14 мая после двух недель осады, но потом два месяца русские воины чинили

[с. 54]

и совершенствовали его укрепления. В конце августа войско Шереметева отправилось ко Пскову через Лифляндию и Эстляндию⁶ и в конце сентября расположилось в Печорах на зимовку.

В конце мая 1704 года Михайлов со товарищи вместе с другими полками под начальством Шереметева двинулись в поход на Дерпт. Осада началась 4 июня. 2 июля из-под Нарвы прибыл Пётр I и лично стал руководить войсками. Город сдался 13 июля после ночного штурма. Царь сразу же отправился к Нарве, а вот войска Шереметева пошли туда лишь в конце июля. Так для самозванца начался второй «Ругодивский поход». Он прибыл под Нарву в начале августа. 9-го её взяли штурмом, но полки, захватившие Дерпт, на этот раз в приступе не участвовали. Оставив гарнизоны в покорённых городах, русские войска направились ко Пскову.

Мы не знаем, остался ли Григорий со своим полком в Нарве или же вернулся во Псков. Но весной он был уже в Речи Посполитой. Первым туда отправился из Нарвы отряд Никиты Ивановича Репнина (25 сентября 1704 года). Глубокой осенью он занял в Полоцке зимние квартиры. В конце декабря из Пскова в Белоруссию двинулся корпус Б. П. Шереметева. В конце января 1705 года он достиг Витебска и обосновался там до весны. В мае Шереметев привёл свои полки под Полоцк, у которого сосредоточилась 50-тысячная русская армия. Основная часть её под командованием фельдмаршала Георга Бенедикта Огильви 1 июня направилась через Вильно (Вильнюс) в Гродно. Туда же проследовал и полк фон Шведена.

В Гродно у Михайлова проявилась душевная болезнь. Сослуживцы писали его жене и отцу, что Григорий, «будучи на службе в Полше, с ума сошел и ходит по монастырям и по лесам». Сам же Михайлов на следствии показал вот что: «И про ту ево болезнь ведает подлинно... ево сосед салдат Василей Крот да того ж их полку сержант Поликарп Карпов сын Багринцов – потому: как тот их полк ныне в Полше был в Гродне, и он был же, и та

болезнь при них над ним была многожды. И тот сержант докладывал о том полковника их Вилима фан Швендина, и полковник велел ево от полку отставит. И за тою болезнью он с своею братьею с такими ж болными и с ранеными в Гродне оставлен. А от службы их отставил и в Гродне велел их оставит великий государь сам⁷ и приказал их поить и кормить их же полку салдату Микифору Красёнкину».

Видимо, в ноябре 1705 года Григорий сбежал со службы. Сам он потом представлял дело так, будто получил отставку: «И жил он в Гродне всё лето, а как обмогся, с перевозимья отпущен из Гродни к Москве один. А отпустил ево... салдат Микита, а отпускного писма ему не дал... и велел ему явитца в Смоленску». Можно усомниться в правдивости этих слов. Согласно показаниям свойственников Михайлова, жена его им рассказывала «по грамоткам, каковы к ней писали с службы соседи её, того же полку салдаты..., что он, Григорей, сошел с ума и ис полку от них пропал без вести». Да и в справке из Военного приказа говорилось: «А по присланному к Москве ис полков в прошлом 706-м году он, Григорей Михайлов, написан в отлучках... а с 706-го году и по нынешней 708-й год имяни ево, Григорьева, в наличных присланных списках нигде не явилось».

Примерно в начале 1706 года дезертир добрался до Смоленска. Там, по его словам, он «явился» воеводе – боярину Петру Салтыкову, после чего «пошёл к Москве». Верить или нет Григорию? Странно, что воевода его не задержал... Как бы то ни было, дальнейший путь Михайлова проходил через Болдин-Троицкий мужской монастырь, в соборном храме которого, по всей видимости, и явился миру как «царский брат». Сам он об этом вспоминал так: «И зашел в Дорогобужской уезд в Болдин монастырь помолитца. И увидя ево, того монастыря казначей старец Афонасей назвал ево князь Иваном: «Здорово де, князь Иван!». А для чего так ево назвал, не знает. И он, чая, что он и вправду князь Иван, стал себя называть Иваном, потому что ему то имя полюбилос... И в том же монастыре, увидя ево сумозбродство, посадили ево на чепь, и начевал он в хлебне ночь, а поутру отпустили». Может, его и не отпускали – он сбежал. Но монахи узнали, что он солдат Лефортова полка (по кафтану или с его слов), и сообщили о происшествии в полк.

После «проявления» Михайлов отправился на север – на Соловецкие острова, но по дороге явно заплутал: «И он пошёл к соловецким чудотворцам молитца, и прошёл в тот монастырь сухим путём. А тот Соловецкой монастырь – за Устюжною Железополскою: ограда и две церкви деревянные. А подлинно л Соловецкой – не знает». Вероятно, самозванец посетил какую-то небольшую обитель в Архангельском, Белозерском или Вологодском уезде. Но это не мог быть Михаило-Архангельский мужской монастырь в Архангельске: его соборный храм тогда уже был каменным.

Путь на Русский Север и пребывание там заняли более двух лет. За это время Григорий лишился всей семьи: с весны 1706-го по март 1708 года умерли его жена, мачеха и отец. Но самозванец этого не знал. Побывав, по его мнению, на Соловках, он двинулся к Москве, – видимо, через Устюжский уезд.

Около 10 июня 1708 года Михайлов пришёл в село Хабоцкое Бежецкого уезда, принадлежавшее московскому Знаменскому монастырю. Там он вновь предстал в мифической ипостаси и вновь был задержан. Инициатором задержания был, видимо, Владимир Максимов, чиновник из уездного центра – Городецка (Бежецкого Верха). На этот раз лжемонарха не отпустили. 13 июня Максимов доставил его в Городецк и передал воеводе Петру Григорьевичу Бутурлину. «А в словесном своём челобитье сказал: В нынешнем де 1708-м году июня в [пропуск в тексте] де[нь] посылан он были (sic!) в вотчину

[с. 55]

Знаменского монастыря для взяття работных людей на реку Тверцу да в Санкт-Питербурх. И в том селе будучи он Бежецкого Верха с подьячим с Минею Тяжёлым, поймали прохожево

гулящего человека Ивана Михайлова. И сказался он салдатом и назывался блаженнейшей памяти великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю... братом, а великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичю... дядею. А те де слова он, гулящей человек Иван, говорил при... подъячем при Мине Тяжёлом, да при приставе Василье Кликунове, да вотчины Знаменского монастыря села Хабоцкого при соцком Тимофее прозвище Сука, да при старосте при Юрье Антипине деревни Броду». В тот же день самозванца под караулом отправили в Москву.

21 июня он был принят в Преображенском приказе и сразу же подвергся «роспросу». Он рассказал свою реальную биографию, отказался от псевдонима Иван, однако от мифической ипостаси не отрёкся. Григорий утверждал, что был приёмным: «Отец и мат ево какова чину люди были и он где родился, не знает, потому что их не помнит. А взрос на Москве за Сретенскими вороты за Земляным городом в Троецкой слободе у записного верхового нищего Михаила Поликарпова сына Коломнятина Безручки и называл того Безручку отцом, а жену ево Аграфену Сидорову дочь называл матерью, чая то, что отец и мать ему они». Свою же уверенность в том, что он царский брат, Григорий обосновывал так: вскоре после 20 июля 1699 года к нему домой пришёл Безручка «и сказывал ему наодине: «Ты де царского колена – царя Михаила Фёдоровича, а не мой, сын; мне де тебя дали с Верху, как я жил в Верху в богомолцах. Кресная де тебе мать – верховая постелница княжна Дохтурова»⁸. И к той Дохтурове княжне тот же Михайла ево, Григорья, как он был ещё семи лет, водил на двор на Петровку у Рождества (у храма Рождества Богородицы. – О. У.) в Столешниках, а имени и отчества её не знает... И та Дохтурова у себя в хоробах поила их водкою». Однако проверка показала, что в приходе указанной церкви «верховой постелницы княжны Дохтуровой и иных никого Дохтуровых нет и не бывало».

Привлечённые в качестве свидетелей свойственники Безручки и самозванца показали, что Григорий – «подлинно родной сын» Михаила и что за ним никаких странностей не замечалось. Сходные сведения содержались и в «памяти», присланной 5 июля в Преображенский приказ из Приказа военных дел: Михайлов был принят на службу «из салдацких детей»; до похода в Речь Посполитую безумным или больным не бывал. «А как он ис полку отстал и где был и какая болезнь ему и в которое время и отчего приключилас, того на Москве подлинно не ведомо».

Приговором было предписано самозванца «бить кнутом на козле нещадно» и «для исправления ума» сослать в Спасо-Андрониев (Андроников) монастырь, находившийся, кстати, недалеко от Лефортовой слободы. Заключение было бессрочным – «до указа», причём Григория должны были «держат под крепким началом, а из монастыря никуда не выпускать ни на малое время ни для чево и смотрит и беречь накрепко, чтоб он никаких непристойных слов ни с кем не говорил». Приговор был исполнен, видимо, 6 или 7 июля 1708 года. Дальнейшая судьба самозванца нам неизвестна.

Источники

РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 491.

Примечания

1. Боярин (1681), новгородский воевода (1684), начальник Пушкарского приказа (1692).
2. Аггей Алексеев сын Шепелев (?–1688) – первый русский генерал (ок. 1675), окольный (1686); в декабре 1656 г. возглавил только что созданный Первый московский выборный полк солдатского строя и командовал им до смерти.
3. Юрий Степанович Лима (?–1702) – генуэзец, поступивший на русскую службу. Участвовал в боях с турками под Чигирином (1677–1678), потом был в Киеве «у подкопного дела». Принял участие во Втором крымском походе (1689), будучи одним из шести полковников Первого московского выборного полка солдатского строя. Оставаясь на этой должности, в 1696 г. стал первым вице-адмиралом русского флота и фактически руководил им в ходе второй осады Азова.

4. Лифляндия – область, включавшая земли современной Латвии и части Эстонии (Тарту, Пярну, о. Эзель).
5. Мыза – сельская усадьба, центр феодального владения.
6. Эстляндия – область, включавшая основную часть современной Эстонии.
7. Пётр I был в Гродно в сентябре – начале декабря 1705 г.
8. На самом деле род Дохтуровых был не княжеским, а дворянским.

[с. 56]
